

**ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ  
ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ДОВУЗОВСКОГО  
ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**А. П. Абрамов**

*Курский государственный технический университет*

Поступила в редакцию 3 декабря 2008 г.

**Аннотация:** в статье сделан историко-социологический обзор предыстории создания системы довузовского военного образования и ее эволюции в контексте формирования творческого потенциала личности.

**Ключевые слова:** творческий потенциал, личность, кадетский корпус, довузовское военное образование, суворовское военное училище.

**Abstract:** the article gives a history-sociology survey of the pre-history of the pre-university military education system and its development in the last of creative potential forming.

**Key words:** creative potential, personality, cadets college, pre-university military education, Suvorov Military College.

Уяснение механизма формирования творческого потенциала личности в системе довузовского военного образования вряд ли будет логичным и обоснованным без обращения к предыстории создания военного образовательного социума и его эволюции в контексте социологического знания. Тем более, что за прошедшие десятилетия утрачено многое, что могло бы быть применимо в современных условиях.

«Кадетские корпуса за двести лет своего существования дали России бесчисленное множество выдающихся на всех поприщах государственных деятелей, полководцев, писателей, поэтов, историков, композиторов и даже Отцов Церкви» [1, с. 5]. Именно с них началась почти любая значительная карьера. Ежегодно в большую жизнь выходили не просто выпускники, прекрасно образованные юноши, но будущее государства, его основа, чьи имена навеки вошли в отечественную историю.

Выдающиеся полководцы М. И. Кутузов, Ф. Ф. Ушаков, П. А. Румянцев-Задунайский; деятели культуры, литературы и искусства В. В. Верещагин, М. П. Мусоргский, А. Н. Радищев, В. И. Даль, Ф. М. Достоевский, Н. А. Римский-Корсаков, А. Н. Скрябин, П. А. Федотов, К. Ф. Рылеев, Н. С. Лесков; обществен-

ные деятели А. А. Бестужев, П. И. Пестель, П. А. Кропоткин, В. В. Куйбышев — вот далеко не полный перечень имен выпускников кадетских корпусов, в свое время прославивших Россию каждый на своем поприще.

Историко-социологический анализ процесса формирования творческого потенциала личности в системе довузовского военного образования современной России возможен с применением конкретно-социологических методов в рамках междисциплинарного подхода. В частности, с помощью анализа документов, библиографических очерков, исторических справок по вопросам воспитания и обучения в кадетских корпусах России с периода их зарождения до наших дней.

Для более полного уяснения исследуемого процесса необходимо использовать идеи и взгляды, изложенные в концепциях гуманизации военной деятельности, в условиях реформирования общего и военного образования в Российской Федерации.

Методы анкетирования, психологического тестирования, интервьюирования позволят получить необходимую для последующего анализа информацию по изучаемой проблеме.

В России до 1917 г. функционировала вполне оптимальная система подготовки офицерских кадров, заключавшаяся в последовательном формировании военной гуманитарной среды, в которой складывался личностный потен-

циал военного профессионала: кадетский корпус — военное училище — военная академия. Каждая ступень шлифовала и совершенствовала профессиональные и социокультурные качества защитника Отечества.

Кадетские корпуса как специфический военный социум ведут свое начало с 1653 г., когда в Пруссии была учреждена первая кадетская школа для несения дворянскими детьми военной службы.

Слово «cadet» значит «малолетний». Так назывались еще в рыцарские времена младшие члены дворянских фамилий, готовившиеся в виде пажей к высшему воинскому званию [2, с. 3].

В России кадетский корпус впервые был основан в 1732 г. в Санкт-Петербурге по инициативе генерал-фельдмаршала Миниха в царствование императрицы Анны Иоановны. Это учебное заведение может служить образцом образовательных учреждений XVIII века. Корпус готовил не только офицеров, но и гражданских чиновников, дипломатов, судей и даже актеров (так, при императрице Елизавете ввиду того, что в корпусе появился выдающийся кадет-драматург и актер А. П. Сумароков, туда была направлена для обучения провинциальная труппа актеров во главе с Ф. Г. Волковым). Среди кадетов Первого кадетского корпуса царил живой интерес к литературе, театру. Среди них образовалось «Общество любителей русской словесности». Кадеты ставили спектакли. Так, в 1749 г. члены Общества с успехом сыграли трагедию «Хореев», написанную кадетом А. П. Сумароковым, которая по воле императрицы Елизаветы была повторена при дворце, что, собственно, и побудило ее основать российский театр. При этом Сумароков стал первым его директором. Первый кадетский корпус не был в то время закрытым учебным заведением. Для прослушивания лекций в него могли являться и посторонние люди. Известно, что выдающийся отечественный полководец А. В. Суворов в годы своей юности находил время слушать лекции по некоторым предметам и брал для чтения книги из корпусной библиотеки.

Многое для становления и развития отечественного образования, в том числе военного, было сделано в годы правления Екатерины II. Если раньше школа учила, то теперь она должна была воспитывать, заменяя обучаемым семью. Вслед за педагогами и философами Запада Екатерина мечтала пересоздать человечество посредством воспитания, — создать «но-

вую породу людей». В годы царствования Екатерины II в кадетском корпусе был утвержден Устав, по которому в него принимались дети с четырех-пятилетнего возраста [3, с. 264—265]. Пребывание в корпусе длилось 15 лет. Правление Екатерины II называли «золотым веком» первого кадетского корпуса, а сама она его определила «рассадником великих людей».

В конце XVIII — начале XIX в. были открыты Артиллерийский и Инженерный Шляхетские кадетские корпуса, позже преобразованные во второй кадетский корпус. В 1802 г. учреждается Пажеский корпус, а в 1812 г. Финляндский кадетский корпус. Несколько позже были открыты Александровский (1829), Новгородский, графа Аракчеева (1834), Полоцкий (1835), Петровско-Полтавский (1840), Сибирский (1845), Михайловско-Воронежский (1845) и другие кадетские корпуса.

К первой половине XIX в. в России насчитывалось около 20 кадетских корпусов. Замысел был таков: удалив дворянских детей от разлагающей, сибаритской среды и заперев их в специальную казарму, подготовить с малых лет к перенесению трудов и лишений военного времени, воспитывать, прежде всего, чувство преданности престолу и, таким образом, создать из высшего сословия первоклассные офицерские кадры [4, с. 44—45].

Развитие военного образования в России того времени являлось объективной потребностью государства и общества и стимулировалось проведением общественных и военных реформ.

В связи с указанным в 30—40-е гг. XIX в. во всех кадетских корпусах был введен единый учебный план и установлен общий порядок организации и устройства. Полный курс обучения был рассчитан на восемь лет и состоял из трех последовательных отделов: przygotowательного курса (два года), общего (четыре года) и специального (два года).

По окончании курса в 3-м специальном классе воспитанники удостоивались права выпуска на службу: отличники — на службу в гвардию прапорщиками или в армию поручиками, а остальные — в артиллерию или инженерные войска прапорщиками или в армию подпоручиками. Причем отвечающие установленным требованиям могли прямо поступать в офицерские классы Артиллерийского или Инженерного училища. Воспитанники, успешно окончившие курс 2-го специального класса, выпускались прапорщиками в армию или линейные батальоны.

На систему подготовки будущих офицеров большое влияние оказывали идеи Я. А. Коменского, Д. Локка, Ж. Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, которые отстаивали принцип «природопольности» обучения. Некоторые методические приемы и идеи обучения, использовавшиеся в кадетских корпусах, мы находим в более поздних воззрениях, например у Д. Дьюи, Е. Паркхерста, М. Монтессори, П. Кергомера и др. Не случайно поэтому законодательно было закреплено право перехода кадета «переменять звания свои: воинское в гражданское и гражданское в военное» [5, с. 969].

О стремлении к индивидуализации обучения, развитию творческих способностей воспитанников свидетельствует деятельность М. И. Кутузова в Сухопутном кадетском корпусе. Выявляя наиболее способных, он приглашал их к себе и лично проводил с ними занятия. Известно, что М. И. Кутузов предугадал судьбу видного русского писателя С. Н. Глинки — бывшего кадета корпуса, сказав, что успех его ждет не на военном, а на писательском поприще [6, с. 133].

Во время обучения кадеты изучали Закон Божий, право, математику, географию, русский, французский и немецкий языки, географию, физику, механику, логику, статистику, красноречие, рисование. На завершающем этапе кадетам преподавались дисциплины: артиллерия, военная топография, тактика, фортификация, фехтование, верховая езда, правила караульной службы, танцы. Музыкально способные дети учились в специальном классе, где их обучали игре на духовых и ударных инструментах. Во всех корпусах имелись фундаментальные и ротные библиотеки, хорошо оборудованные кабинеты физики и химические лаборатории, а при некоторых — метеорологические станции.

Таким образом, к выпуску практически каждый кадет свободно владел двумя иностранными языками, умел танцевать вальс, мазурку, полонез, неплохо разбирался в живописи и в литературе, был хорошим спортсменом, оставаясь при всем этом глубоко верующим человеком. По нашему мнению, это как раз те качества, которые составляют фундамент творческого потенциала личности и по-прежнему необходимы любому молодому человеку и в настоящее время.

Руководящими органами в кадетских корпусах были воспитательский совет, собиравшийся каждые два месяца под председательством директора корпуса, и педагогический —

под председательством инспектора. Первый занимался вопросами морально-нравственного, эстетического и духовного воспитания, второй ведал только образованием юношей и поднятием общего уровня их знаний.

В состав данных советов входили командование корпуса, преподаватели, офицеры-воспитатели, представители православной церкви. На заседаниях советов рассматривались и обсуждались аттестационные тетради обучаемых, их успеваемость, поведение, хорошие и дурные поступки, взаимоотношения с товарищами; не оставалось без внимания и половое развитие юношей. Для оценки «нравственного достоинства» была установлена 12-балльная шкала, которая характеризовала поведение кадетов: поведение отличное (12 баллов), поведение весьма хорошее (11 и 10 баллов), поведение хорошее (9, 8 и 7 баллов), поведение посредственное (6, 5 и 4 балла), поведение дурное (3, 2 и 1 балл). К дурному поведению относились «ложь, воровство, неохотное повиновение начальству, грубое и дурное обращение с товарищами, лень, злобность, мстительность» [7, с. 77]. Кроме обычных школьных наказаний в корпусах допускалось снятие погон, помещение имени на черную доску, надевание серой куртки и, в крайнем случае, розги, но не иначе как с разрешения директора корпуса. Кроме опосредованного воздействия, в том числе и материального, преподавателям рекомендовалось вызывать у воспитанников непосредственный интерес к той или иной учебной дисциплине. Интерес к предмету, а не страх перед порицанием или наказанием должен был быть стимулом учебы. За успехи в освоении наук со второй половины XVIII в. стали использоваться разнообразные поощрения: прибавка к жалованью (как, например, во французском артиллерийском училище, основанном в г. Дуэ в 1679 г., офицеры и кадеты, добившиеся лучших результатов получали денежное вознаграждение, причем соответствующая сумма денег взималась с воспитанников, показавших худшие результаты) [8, с. 72].

Повышение кадетов в чинах (за особые успехи), награждение золотыми и серебряными медалями также были весьма существенной мерой поощрения. С 80—90-х гг. лучшие 18 кадетов со всех корпусов награждались по выпуску золотыми медалями различного достоинства: шесть — большой, шесть — средней и шесть — малой величины.

Аналогичным способом отмечались успехи воспитанников при переводе из класса в

класс, для чего было учреждено 18 серебряных медалей. В то же время считалось, что поощрения должны быть справедливыми, соответствовать заслугам кадетов, чтобы не вызывать зависть других воспитанников, не нарушать дружеских отношений между ними [9, с. 79].

Мерами поощрения служили: выдача похвальных листов, книг и инструментов в подарок, помещение на красные доски наиболее отличившихся, производство в вице-унтер-офицеры и вице-фельдфебели. В рекреационных залах были вывешены серые мраморные доски с именами отличившихся из числа каждого выпуска, а в церквах заведений — черные мраморные доски для помещения всех имен бывших воспитанников, павших на поле боя или умерших от ран, в каком бы офицерском чине они ни находились.

Большое стимулирующее воздействие на воспитанников оказывала система старшинства выпускников. Определение старшинства велось в соответствии с достижениями кадетов в учебе. Добившиеся больших успехов кадеты считались более старшими по отношению к остальным. При выпуске из корпусов воспитанники получали воинские звания в соответствии с иерархией списка старшинства. Так, из 399 кадетов Сухопутного кадетского корпуса, вышедших в военную службу с 1732 по 1741 г., были произведены в офицеры 310 человек, или 77,1 % от общего числа выпускников. Среди них лишь 29 человек (9 %) получили по выпуску звание поручика, 51 человек (12,8 %) произведены в подпоручики и 230 человек (57,6 %) — в прапорщики. Среди воспитанников, не удостоенных офицерских званий, 17 человек (4,3 %) вышли из корпуса унтер-офицерами, 20 человек (5 %) — сержантами, 19 человек (4,8 %) — капралами и 26 человек (6,5 %) — рядовыми [10]. Отдельные кадеты по выпуску получали даже капитанский чин. Например, в 1797 г. его удостоились по выпуске Карл Услар и Петр Смиттен, остальные произведены в подпоручики. В соответствии с законом № 15934 от 21 февраля 1784 г. выпускники Артиллерийского и Инженерного кадетских корпусов в зависимости от результатов учебы назначались: одни — офицерами в артиллерию или инженерные войска, другие — в армию, «смотря по их достоинству подпоручиками, прапорщиками и инженерными кондукторами или в артиллерию сержантами» [5, с. 44].

Таким образом, «Кадетский корпус был тем оазисом, в котором кадеты проводили

свое детство и юношество, где они учились и воспитывались, шалили, наказывались, имели свои радости и печали, где маленький отрезок жизни каждого был поставлен в рамки суровой дисциплины, где почти каждый шаг жизни был под контролем воспитателя, где хорошие выявления детских натур поощрялись, а дурные жестоко искоренялись. Пребывание в корпусе и было тем подготовительным периодом, в котором каждый оснащался моральным багажом, с которым и вступал на неизвестный и скользкий путь истины» [11, с. 157].

В «Наставлении для воспитанников военно-учебных заведений» 1848 г. и «Общей инструкции для составления учебных конспектов и программ в военно-учебных заведениях» того же года были изложены программы обучения и воспитания будущих офицеров, а также требования, предъявляемые к педагогам и офицерам-воспитателям. В этих документах указывалось, что «дух преподавания должен быть, по преимуществу, практический: умствования отвлеченные, чисто теоретические следует решительно устранить. И что необходимо неослабно в соображении, что всем наукам, входящим в состав учебного курса, кадету невозможно обучиться в полноте совершенной; что главная цель кадетского обучения состоит в том, чтобы дать воспитаннику прочное основание в науке, дабы, при любви к труду, когда ум его впоследствии, и с летами и опытом разовьется, он мог учить себя сам и идти далее без помощи посторонней; для чего и надобно всеми мерами приучить кадета к работе самостоятельной, вселять в него любовь к труду и уважение к науке, самое учение сделать простым, живым, заманчивым, а не запутанным и не схоластическим». Что касается военных наук, то они должны были «укоренить в воспитанниках сведения, необходимые им на поприще военном», политические же науки должны были составлять «важное средство умственного развития и необходимое условие образования человека в обществе». Причем уже тогда обращалось внимание на индивидуальное обучение воспитанников, которые «вырываются из общего уровня классной массы и заслуживают или своими способностями или по хорошему домашнему приготовлению, идти далее и шире пределов программы для их класса назначенных» [12, с. 62].

Данные положения вполне возможно взять на вооружение и образовательным учреждениям современной России, поскольку в них закрепляются основные навыки и умения, кото-

рыми должен обладать воспитанник, даются основные посылы для развития творческих способностей личности будущего офицера.

Как работала созданная система подготовки кадров, В. Свиридов показывает на примере Александровского военного училища за период с 1863 по 1901 г. В училище поступило 7639 человек, из них: из кадетских корпусов 6378 молодых людей. Кадетские корпуса давали практически 87 % поступающих. Произведено в офицеры по первому разряду 4698 юнкеров, из которых подавляющее большинство составляли кадеты. Такая оценка деятельности Александровского военного училища говорит о том, что предварительная подготовка поступающих в военно-учебные заведения того времени вполне себя оправдывала. Выпускники кадетских корпусов находили применение своим знаниям не только на военном поприще. Каждый десятый поступал в высшие гражданские учебные заведения.

В исследованиях, посвященных проблематике изучения различных сторон образа жизни воспитанников специализированных военно-учебных заведений, одно из главных мест занимает личность воспитателя. Поэтому особого внимания заслуживает система подготовки офицеров-воспитателей и преподавателей кадетских корпусов в России до 1917 г.

При Главном управлении военно-учебных заведений в свое время были созданы курсы для подготовки кандидатов на преподавательские должности. Туда отбирались лица, окончившие высшие учебные заведения гражданского ведомства или военную академию. Срок обучения составлял два года и делился на общепедагогическую и специальную подготовку. В первый год изучались основы анатомии и физиологии человека, начала логики и психологии, школьная гигиена, составлялись рефераты по истории, педагогике и психологии, проводились практические занятия по предметам обучения, изучалась литература того предмета, к преподаванию которого готовился кандидат. В обязательном порядке посещались уроки учителей-руководителей. На втором году обучения кандидаты, кроме этого, посещали уроки своих товарищей, изучали методику преподавания предмета, составляли планы занятий, давали пробные уроки, участвовали в специальных конференциях, на которых обсуждались результаты преподавания и пробные уроки. В конце первого года обучения кандидаты в учителя сдавали экзамены на знание предметов общепедагогической подготовки. По окончании курсов каждый канди-

дат, признанный конференцией, получал особое свидетельство об их окончании. Прежде чем приступить к преподаванию в военно-учебном заведении, они должны были пройти «испытания» или на основании одной пробной лекции без экзамена, или на основании экзамена и пробной лекции.

Занятия с офицерами — будущими воспитателями организовывались при Педагогическом музее военно-учебных заведений в летнее время — с 1 июня по 10 августа. Со слушателями курсов в этот период проводились занятия по гимнастике с подвижными играми, фехтованию, плаванию, ручному труду, оказанию первой помощи при несчастных случаях. С 1 сентября по 1 июня на курсах преподавались основы анатомии и физиологии, школьная и практическая гигиена, начала логики и психологии, исторический очерк развития педагогических идей и современное учение о воспитании, методика и история физических упражнений, физиология движения, практические занятия по фехтованию и гимнастике. Те, кто не сдавал экзамены по этим предметам, с курсов отчислялись. Таким образом, подготовка офицеров-воспитателей носила, прежде всего, практический характер, и не каждый выдерживал эту учебу [13, с. 63—64].

Принимаемые меры улучшали отбор людей, занимающихся подготовкой будущих офицеров, и, в свою очередь, способствовали повышению качества обучения и воспитания кадетов. Известный военный педагог П. Бобровский указывал: «От воспитания начальника, ротного командира, младшего офицера требовалось нечто гораздо большее, чем выполнение правил устава и предписаний высшего начальства. Для этого каждый воспитатель должен в самом себе представлять нравственную норму, дабы тем самым напоминать о нравственном законе молодому, несозревшему человеку. Воспитатель-офицер может быть уверен, основываясь на общих законах развития психического процесса, что его труды не пропадут бесследно и что последствия его деятельности останутся в питомцах на всю жизнь, если ему удастся сообщить своему влиянию надлежащую силу и устойчивость и если он сумеет направлять свои действия на прямые источники побуждений, вызывающих поступки» [7, с. 79].

Офицеры-воспитатели в течение всех лет обучения создавали фундамент будущей личности. Именно они вместе с преподавателями и духовными наставниками выступали творцами человеческих душ.

Г. Ф. Ишевский в биографической повести «Честь» называет их скульпторами, достаточно точно отмечая по этому поводу: «... В корпус привозили сырой материал детских тел, душ и мозга. Скульпторы приступили к работе. Исключительно тяжелая задача — в семь лет из детских неповинующихся душ, часто таящих в себе пагубную наследственность к дурным наклонностям, из разного мозга, несущего гениальность и порок, талантливость и бездарность, разум и глупость, порядочность и преступность, создать статуи чести. Создать статуи, в живые души которых на всю жизнь вдохнуть основы духовного и нравственного порядка — строгость к себе, порядочность, любовь к правде — и до высшей меры развить чувства долга перед Родиной. Создать статуи, уходящие из жизни с честным лицом... Скульптор находил в душах кадетов пробуждение хороших начал и всячески старался укрепить их корни, тем же инстинктом он чувствовал в этих мятущихся душах уклоны к порокам и беспощадно боролся с ними. Как пахарь бросает семена на вспаханные пашни, он бросал семена правды на молодые нивы детских душ и радовался, когда они зацветали прекрасными цветами, рождавшими мужество сказать правду, какая бы горькой она ни была... Через семь лет творческой работы охваченный грустью скульптор расстался с созданными им статуями. Они разлетались по всей России, и их смелый полет в жизнь дышал чувством долга перед Родиной. Скоро они сами становились скульпторами, скульпторами русского солдата, вдыхая в его честную крестьянскую душу начала воинской доблести и чести. Когда для Родины наступали тяжкие дни испытаний, разрухи, они, оставляя семьи, первыми вставали на защиту родных рубежей, национальной чести и гордости России. Подвигами личной храбрости они вплетали новые, свежие цветы чести в венец русской армии и флота. Убеленные сединами, постаревшие, скульпторы с радостью говорили: «Это мой кадет... моего выпуска» [11, с. 164—165].

В российских кадетских корпусах чувство дружбы и товарищества среди воспитанников составляло ту духовную основу, которая, возникнув в юные годы и окрепнув в течение нескольких лет учебы, сопровождала их на протяжении всей жизни. Формирование и развитие чувства духовного родства умело и тактично направляли наставники кадетов. При этом воспитывались принципы, исключая ложное понимание товарищеских взаимоотно-

шений. В 1913 г. Главное управление военно-учебных заведений, руководимое «Отцом кадет» Великим Князем Константином Константиновичем, направило во все кадетские корпуса и военные училища «Двенадцать заповедей товарищества»:

— товариществом называются добрые взаимные отношения вместе живущих или работающих, основанные на доверии и самопожертвовании;

— военное товарищество доверяет душу, но жертвует жизнью;

— на службе дружба желательна, товарищество обязательно;

— долг дружбы преклоняется перед долгом товарищества;

— долг товарищества преклоняется перед долгом службы;

— честь непреклонна, бесчестие во имя товарищества остается бесчестием;

— подчиненность не исключает взаимного товарищества;

— подвод товарища под ответственность за свои поступки — измена товариществу;

— товарищество прав собственности не уменьшает;

— отношения товарищей должны выражать их взаимное уважение;

— честь товарищей нераздельна;

— оскорбление своего товарища — оскорбление товарищества [14, с. 175].

Кадетская спайка, дух товарищества и корпоративности всегда основывались на чувстве абсолютного равенства между кадетами, сын армейского капитана — и сын начальника дивизии, кадет, носящий громкую историческую фамилию, — и носящий самую ординарную, богатый и бедный, русский и грузин, черкес, армянин или болгарин, — все в стенах корпуса чувствовали себя абсолютно равными. Воспитанник Полтавского кадетского корпуса П. Волошин писал: «Между носящими одни и те же погоны не было «ни эллина, ни иудея», а были одни кадеты. Всякий снобизм был чужд» [15, с. 11]. О сплоченности кадетов говорит и та быстрота, с которой впоследствии, уже в эмиграции, стали возникать общества бывших воспитанников различных корпусов, слившихся в Общекадетское объединение.

События октября 1917 г. отразились на судьбах средних специализированных военно-учебных заведений. Кадетские корпуса на территории России были распущены. С началом гражданской войны тысячи кадетов тайком пробирались в белую армию, чтобы совершать

подвиги, сражаться и умирать за те идеалы, которые им прививали с детства. «Кадеты пробирались к нам со всей России, — писал генерал Туркул в своей книге «Дроздовцы в огне». — Русское юношество, без сомнения, отдало белой армии всю свою любовь... Сотни тысяч взрослых, здоровых больших людей не отозвались, не пошли... А русский мальчуган пошел в огонь за всех» [16, с. 6—7].

Кадетские корпуса, таким образом, в большинстве случаев успешно справлялись с поставленной перед ними задачей, прививая юношам готовность сражаться «за государство, Царю вверенное, за род свой, за Православную Веру и Церковь» [17, с. 130]. Такие качества кадетов, как преданность своим идеалам, мужественная решимость в исполнении воинского долга, товарищество, отмечали даже те, кто ни в малой степени не разделял их политических убеждений.

Во время создания в Советском Союзе суворовских военных училищ педагог и историк Н. И. Алпатов подчеркивал, что «суворовские военные училища, хотя и имеют иные цели, задачи образования и воспитания молодежи, однако от кадетских корпусов они заимствовали все лучшее, что в них было» [18, с. 244].

Столетиями кадетские корпуса представляли в России элиту общества: молодых образованнейших людей своего времени. Дворянское сословие не только не отгораживалось от своего народа, но служило ему в самые опасные моменты — ценой не золота и выгод для себя, а собственной жизни.

Долгое время, оставаясь за рубежом, бывшие кадеты никогда не забывали о своей покинутой Родине. Являясь гражданами других стран, с оружием в руках боролись против фашизма в рядах армий наших союзников, в партизанских отрядах Югославии и Франции.

Подводя итоги изложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Этапы становления и развития системы довузовского военного образования совпадают с периодами проведения крупных реформ русской армии и среднего образования в России.

2. Процесс развития довузовского военного образования имел цель решить ряд задач по его оптимизации:

Во-первых, определение оптимального возраста для начала военного обучения. Исторический опыт доказал, что в этом плане малолетний возраст (как в случае с кадетскими корпусами в первом их варианте) и юношес-

кий возраст (военные училища после гимназий) не удовлетворяют необходимым требованиям. В первом случае ребенок в силу возраста не мог еще самостоятельно определиться. В результате, не имея впоследствии права выбора другой профессии, вынужден был служить, не имея к этому желаний. Во втором случае мотивация на военную деятельность, не имея достаточного подкрепления во время учебы в гимназии, либо пропадала, либо приводила к тому, что юноша был не подготовлен к военному высшему образованию в физическом и психологическом плане.

Во-вторых, определение приемлемой формы организации учебно-воспитательного процесса. Наиболее оптимальной формой довузовского военного воспитания была признана закрытая система учебных заведений — кадетские корпуса. Казарменное положение, поротное деление, четко регламентированные отношения воспитанников с преподавателями, жесткий распорядок дня, суровая дисциплина, обязательность к исполнению требований руководства — всё это атрибуты именно закрытой системы.

В-третьих, определение содержания образования. Отбор его форм, сути и методов происходил в поиске оптимального сочетания профессионализации воспитания и его направленности на всестороннее развитие личности воспитанника, ее индивидуальности. Фактически развитие и становление кадетских корпусов стало глобальным экспериментом, повторить который оказалось невозможным в последующие периоды развития военного образования. Первоначально кадетские корпуса были независимыми учебными заведениями. Поэтому вся их деятельность (естественно, в рамках существующего общественного строя) зависела от руководства, концептуальной направленности его взглядов на воспитание и образование. Директор кадетского корпуса, сообразно своему мировоззрению, ориентировался в альтернативе воспитательных целей. Опыт функционирования кадетских корпусов показал, что для качественного военного воспитания требуется оптимальное сочетание этих целей. Перекос ни в одну, ни в другую сторону не приведет к успеху.

3. Средним специализированным военно-учебным заведениям советского периода присущи многие черты кадетских корпусов России до 1917 г.: традиции, символы, атрибутика, товарищество, высокий уровень, по срав-

нению с обычной школой, образовательной и физической подготовки.

4. Анализ состояния гуманитарной среды довузовского военного образования царской и советской России позволил выявить существенные недостатки в ее организации. Это по нашему мнению:

— смешение общего образования со специальным;

— соединение в кадетских корпусах детей и юношей различных возрастов от 6 до 20 лет;

— обширность учебных программ при недостатке времени для их усвоения;

— трудности в замещении офицерских должностей, которые бы сочетали в себе способности педагогов с необходимыми качествами строевых командиров.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Марков А. Л. Кадеты и юнкера / А. Л. Марков. — Буэнос-Айрес, 1961.
2. Воробьева А. Ю. Кадетские корпуса в России 1732—1917 / А. Ю. Воробьева ; худож. О. Пархаев. — М., 2003.
3. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П. Н. Милуков. — М., 1994. — Т. 2, ч. 2.
4. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатьев. — Молотов, 1951. — Т. 1.
5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. — СПб., 1830. — Т. 22.
6. Михайловский-Данилевский А. И. Черты жизни князя Кутузова-Смоленского / А. И. Ми-

хайловский-Данилевский // Отечественные записки. — 1820. — № 4.

7. Назаров А. «Господа юнкера, кем вы были вчера...» / А. Назаров // Ориентир. — 2000. — № 2.

8. Сен-Реми П. С. Мемории, или записки артиллерийские / П. С. Сен-Реми. — СПб., 1732. — Т. 1.

9. Харламов В. И. Чему и как учили русских офицеров в XVIII веке / В. И. Харламов // Военно-исторический журнал. — 1999. — № 3.

10. РГВИА. — Ф. 314. — Оп. 1. — Д. 1770. — Л. 1—192; Д. 1790. — Л. 1—138; Д. 36. — Л. 3—4; Д. 8042. — Л. 14—29; Д. 8043. — Л. 1—126.

11. Ишевский Г. Кадеты и юнкера : честь : повесть / Г. Ишевский. — М., 2007.

12. Свиридов В. Так учились вчера господа юнкера / В. Свиридов // Армейский сборник. — 2000. — № 6.

13. Лесков Н. С. Праведники. Кадетский монастырь / Н. С. Лесков // Собр. соч. : в 12 т. — М., 1989. — Т. 2.

14. Вестник дальневосточных кадет : иллюстрированное издание о жизни и деятельности выпускников Курского Дальневосточного Уссурийского суворовского военного училища / В. И. Гаврилов, В. В. Круглов, С. А. Медведев. — М., 2006. — № 1.

15. Волошин П. Три времени года в четырех стенах / П. Волошин // Военная быль. — Париж, 1959. — № 37.

16. Кадетская переключка. — Нью-Йорк, 1972. — № 4.

17. Михайлов А. А. Российские кадетские корпуса / А. А. Михайлов // Вопросы истории. — 1997. — № 12.

18. Алпатов Н. И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа / Н. И. Алпатов. — М., 1958.

*Курский государственный технический университет*  
Абрамов А. П., доцент кафедры философии и социологии  
abramov\_ap@inbox.ru  
Тел.: (471-2) 52-04-18; 8-908-126-01-68

*Kursk State Technical University*  
Abramov A. P., Docent of the Department  
Philosophy and Sociology  
abramov\_ap@inbox.ru  
Tel.: (471-2) 52-04-18; 8-908-126-01-68